А. В. ВОЕВОДСКИЙ

Воеводский Александр Валентинович
кандидат исторических наук
доцент, кафедра всеобщей истории, ШАГИ РАНХиГС,
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (495) 433-25-62
доцент, Школа исторических наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 105006, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4
*Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22524*
старший научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Тел.: +7 (495) 954-47-83
E-mail: valeks77@mail.ru

Роль античного наследия в осмыслении имперского опыта Британии Джеймсом Миллем

Аннотация. В статье анализируются взгляды Джеймса Милля на имперскую политику Великобритании первой четверти XIX в. и его восприятие античного опыта колонизации. Идеи британского мыслителя рассматриваются на фоне интеллектуальной и политической жизни Великобритании конца XVIII — первой четверти XIX в., когда в стране формируется радикальное реформаторское движение, взявшее на вооружение идеи А. Смита, И. Бентама и Д. Рикардо. Обращение к истории Греции и Рима стало важным аргументом в развернувшихся дебатах о будущем устройстве Британской империи, в отношениях между метрополией и ее колониями.

Ключевые слова: Джеймс Милль, античное наследие в британской политической мысли, идеология Британской империи

Для европейской политической мысли начиная с эпохи Ренессанса стандартной практикой было оправдывать империю, опираясь на моральные и интеллектуальные авторитеты и исторические прецеденты Древнего мира, будь то Греция или Рим. Их исторический опыт служил важной основой для осмысления настоящего и будущего Британской империи. Знание античной истории было неотъемлемым атрибутом образованного человека, необходимой основой для осмысления современности. С конца XVI в. английских мыслителей занимала проблема, возможно ли сочетание, с одной сторо-

© А. В. ВОЕВОДСКИЙ
DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-2-56-67

ны, самого факта существования империи и, с другой, сохранения гражданских свобод. В этом свете имперский опыт Рима рассматривался как своеобразное предостережение. Неизбежным следствием территориального расширения виделось усиление роли армии и ее командующих, а также последовательная смена тиранов. И события Английской революции (Великого мятежа), казалось, подтверждали эту точку зрения [Armitage 2000: 125–136]. Из размышлений об историческом опыте Рима постепенно рождалась концепция империи нового типа — протестантской, торговой и морской, отличной от всех прочих [Ibid.: 198].

Однако в конце XVIII в. уровень дебатов о будущем Британской империи был поднят на совершенно новый уровень. Соединенное Королевство вступало в новую эпоху, что требовало пересмотра прежних подходов к управлению колониями. В 1783 г. прекратила свое существование так называемая Первая Британская империя; потеря североамериканских колоний оставила глубокий отпечаток в сознании британцев. Лондон оказался втянут в войны с революционной, а затем и наполеоновской Францией, что в итоге вылилось в Континентальную блокаду, которая хотя и не поставила Великобританию на колени, но нанесла ощутимый вред ее торговле и промышленности. И хотя в новый век она вступила еще более могущественной, расширив свои владения в Африке и Азии и на долгое время выведя из игры своего главного конкурента в Старом Свете — Францию, британская политическая система и общество стояли перед серьезными новыми вызовами.

Однако влиятельные круги тори были по-прежнему против перемен в колониях. Именно из их среды формировался чиновничий аппарат колониального ведомства, делавшего ставку на жесткое администрирование. Характерно, что с 1782 по 1801 г. управление колониями находилось в руках Министерства внутренних дел, а с 1801 по 1854 г. — Военного министерства.

После завершения Наполеоновских войн в общественной жизни все громче заявляли о себе новые слои — реформаторы, в основном выходцы из формирующегося нового среднего класса. Они выступали за решительное ограничение государственного вмешательства в регулирование экономических отношений, требовали обширных реформ в различных сферах, в том числе и в области колониального управления [Айзенштат 2009: 6; Айзенштат, Гелла 1999: 23–24].

Во главе движения за колониальные реформы встали представители радикального движения, вдохновляемые идеями А. Смита о свободной торговле и принципами «утилитаризма» И. Бентама. Отметим, что Адам Смит начинает главу «О колониях» в своем знаменитом труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) с пространного обсуждения классических империй [Смит 1962: 406–407].

Проповедуя идею свободной торговли, Смит предлагал на этих же принципах перестроить отношения с колониями. Он призывал отказаться от политики меркантилизма и от непосредственной власти над колониями и заключить с ними договор о свободе торговли. Тогда, по его мнению, колонисты из беспокойных подданных станут самыми верными союзниками Британии. Смит предлагал отбросить «предрассудки» и распространить действие британской конституции на колонии, полностью уравняв в правовом отношении всех подданных короны. Он писал:

> Если метрополия и колонии расстанутся добрыми друзьями, их естественная симпатия к ней, почти уничтоженная нашими недавними раздорами, быстро снова возродится. Это расположит их не только соблюдать в течение веков тот торговый договор, который они заключат с нами при расставании, но и благоприятствовать нам как в войне, так и в торговле; из беспокойных и мятежных подданных они превратятся в наших самых верных, сердечных и щедрых союзников. Тогда между Великобританией и ее колониями сможет вновь ожить та отеческая любовь, с одной стороны, и то сыновнее уважение — с другой, которые обычно существовали между колониями Древней Греции и метрополией, от которой они происходили [Там же: 448].

Уже в сочинении А. Смита прослеживается черта, свойственная либеральным политическим деятелям и мыслителям XIX в., — идеализация древнегреческого политического строя, и в частности отношений метрополий со своими колониями.

Одним из признанных специалистов по колониальным вопросам в лагере радикальных реформаторов был Джеймс Милль, чьи взгляды во многом заложили основы либеральной концепции Британской империи — концепции, в середине XIX в. утвердившейся в качестве доминирующей.

Джеймс Милль происходил из семьи мелкого фермера. Он получил стандартное для своего времени образование: окончил начальную приходскую школу, затем до 17,5 лет обучался в Академии Монтроуз и с 1790 г. на протяжении семи лет — в Университете Эдинбурга, по окончании которого был рукоположен в пасторы Церкви Шотландии. В университете он изучал латинский и греческий языки, философию, этику, математику, логику, историю Церкви и т. д. По-видимому, уже в это время складывается круг его интересов и чтения. Кроме английских авторов, он также читал и делал выписки из французских, латинских и греческих сочинений. Сохранились сделанные Миллем выписки цитат из трудов Аристотеля, Платона, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Плутарха, Демосфена, Цицерона, Сенеки, Квинтилиана, Плиния Старшего, Тацита и др. [Bain 1882: 464].

Знание произведений античных авторов было для Милля не только атрибутом высокой культуры и образования, но и неистощимым источником идей для понимания современности. Об этом наглядно свидетельствуют воспоминания его старшего сына Джона, в будущем известного политэконома и философа, одного из столпов британского классического либерализма. Последний в своей автобиографии отмечал, что Милль-старший начал давать ему первые уроки греческого в возрасте трех лет (!), записывая на карточках греческие слова с их английским переводом. Уже к девяти годам он прочел первые шесть диалогов Платона. Функционирование политических институтов и принципов законодательства Афин Джон Милль изучал по речам Демосфена, которые комментировал для него отец. Среди греческих и римских философов Джеймс Милль, по свидетельству сына, выше всех ставил Платона, оказавшего наибольше влияние на его собственную культуру мышления (mental culture) [Mill 1882: 5–21].

В 1802 г. Джеймс Милль перебрался в Лондон. Столь решительная смена окружения во многом была обусловлена несложившейся карьерой пастора, и в столице он фактически начал новую главу своей жизни. В поисках средств

к существованию он сотрудничал с разными изданиями («The Anti-Jacobin Review», «Literary Journal»), а в 1805 г. занял должность редактора газеты «St. James Chronicle». К этому же времени относится его первый опыт участия в политической жизни, он включается в полемику по поводу государственного регулирования торговлей зерном и публикует на эту тему свой первый политический памфлет [Bain 1882: 50–51].

Одновременно происходят важные изменения в его личной жизни. В 1805 г. он женился на Харриет Берроу, и в 1806 г. рождается их первый сын Джон Стюарт Милль. Нуждаясь в деньгах и не имея стабильного дохода, Джеймс Милль взялся за написание «Истории Британской Индии». Он планировал закончить работу за три года, но она растянулась на 12 лет [Ibid.: 61]. В это время происходит формирование его мировоззрения.

В 1808 г. произошла встреча Милля с Иеремией Бентамом, которая предопределила всю его последующую жизнь. Их воззрения оказались чрезвычайно близки; как отмечал Джон Милль, его отец как никто другой понимал взгляды Бентама на этику, государственное управление и законодательство [Mill 1882: 54].

Как уже было сказано выше, о желательности реформирования принципов отношений с колониями на основе признания за их жителями права на самую широкую автономию вплоть до отделения высказывался еще Адам Смит, но именно с именем Бентама обычно связывают оформление течения колониального реформаторства. Он выдвинул положение о том, что главным соображением в деле государственного управления должен стать «принцип строгой экономии», исходя из которого его последователи высказались за сокращение расходов по управлению империей. Их сторонники объединились под лозунгом свободы торговли, или фритреда. Основой для соответствующих идей стала торговая и промышленная монополия Британии, которой она добилась в первые десятилетия XIX в.

Еще в конце XVIII в. Бентам писал, что нет смысла в том, чтобы колониями управлял народ, который никогда не знал «ни склонностей, ни желаний колонистов». Предложение ввести в государственные органы представителей колоний также вызывало его возражения. Он отмечал, что как жители метрополии ничего не знали о делах колоний, так и колонисты будет лишь бесполезными наблюдателями в ее государственных органах. Наиболее целесообразным он считал предоставление колониям самоуправления, сохранив их экономическую зависимость от метрополии [Айзенштат, Гелла 1999: 23–24].

Реформаторы полагали, что британские товары не нуждаются в таможенной защите вследствие их дешевизны и качества. Непроизводственные расходы по содержанию империи, покрываемые за счет налогов, вели лишь к увеличению стоимости английских товаров и снижению их конкурентоспособности на внешних рынках. Фритредеры подвергли жесткой критике старую английскую колониальную систему, ее раздутые штаты чиновников, взяточничество, патернализм, покупку должностей.

Чтобы понять, насколько эти взгляды находили широкий отклик в обществе, необходимо обратиться к настроениям, господствовавшим в Великобритании в начале XIX в. Низшие и средние слои высказывали недовольство повышением хлебных пошлин и монополизацией торговли между Индией и

метрополией. К началу 1817 г. в парламент было подано около 600 петиций, под которыми стояло от 1 до 1,5 млн подписей петиционеров, собранных в английских городах от Лондона до Манчестера [Айзенштат 2007: 100]. Протестующие и несогласные с политикой парламента требовали изменения избирательной системы в форме ограничения срока полномочий депутатов и снижения возрастного ценза избирателей. С развитием промышленного производства происходила внутренняя миграция населения, в ходе которой люди переезжали в большие города. Однако распределение представителей в парламенте по округам не изменилось, что фактически оставляло власть в руках крупных землевладельцев.

Именно в это время Джеймс Милль заявляет о себе как об одном из ведущих специалистов по колониальному вопросу в лагере реформаторов. В 1817 г. была издана его «История Британской Индии», которая сразу же приобрела статус прикладного учебника для колониальных служащих. Томас Маколей охарактеризовал эту книгу следующим образом: «хоть и не свободная от недостатков, она в целом является величайшим сочинением, появившемся на нашем языке со времен Гиббона» [Ванина 2014: 65].

«История Британской Индии» примечательна в силу целого ряда обстоятельств. Во-первых, это было первое сочинение подобного рода, в котором была предпринята попытка осветить историю Индии с эпохи древности до британского завоевания. Во-вторых, она была написана человеком, который никогда не был в Индии и не знал ни одного местного языка. Все сведения Милль почерпнул из переводов индийских законодательных и литературных памятников, доступных в то время на английском языке, из свидетельств античных авторов, сочинений европейских путешественников и исследователей, документов колониального ведомства.

В отечественной историографии труд Дж. Милля обычно упоминается как яркий пример «индофобского» сочинения, проникнутый ярым пренебрежением к индийской культуре и истории [Там же: 65–67; Ерофеев 1977: 208]. Однако надо учитывать, что «История Британской Индии» отражала взгляды определенной части британского общества, воспитанного на идеях Просвещения и классицизма, впитавшего в себя идеи утилитаристской философии [Айзенштат 1999]. Чужая, непохожая на европейскую культура индийцев представлялась ему воплощением варварства, отсталости и деспотизма.

В качестве образца для сравнения и инструмента анализа Милль использовал идеи и принципы античной философии, а также современные ему представления об уровне и характере развития античного общества. Так, приступая к анализу государственного устройства Индии, он в качестве основного положения приводит принципы, которые мы можем найти еще у античных авторов[1]:

> После разделения людей на общественные группы и профессии главным условием, с помощью которого определяются их положение, характер и деятельность, являются политическая организация, система действий, с помощью которых сохраняется социальный порядок [Mill 1826 (1): 175].

[1] См., например, характеристику государства у Аристотеля [Аристотель 1983: 376–379].

С самого начала Милль пренебрежительно высказывается как о культуре индийцев, так и о взглядах британских «индофилов»[2]:

> Наши сведения об индуистской хронологии получены не от критических историков Греции и Рима, но от тех, чье воображение находится под сильным влиянием созерцания новой системы обычаев, искусств, учреждений и идей ‹…› и [от тех,] чье удивление, восхищение и энтузиазм какое-то время сами по себе способствовали их распространению.

И далее, в подтверждение своей точки зрения, продолжает:

> Дикость и непоследовательность индуистских преданий, по-видимому, выходят за пределы здравого смысла и истории» [Mill 1826 (1): 141–142].

В отличие от «индофилов», Милль не считал, что поход Александра Македонского оказал сколько-нибудь серьезное влияние на индийцев. Их нравы и обычаи, как утверждал Милль, сохранились в неизменности с тех времен. В доказательство он приводит свидетельства греческих авторов (прежде всего отрывки из не дошедшего до нас сочинения Мегасфена).

Ссылаясь на мнение шотландского математика Джона Плэйфера, Милль утверждал, что наиболее гениальные люди Древней Греции были первыми, кто пытался теоретически объяснить или связать различные небесные явления, опираясь на свои эмпирические наблюдения. Астрономия Индии, указывал Милль, не дает никакого теоретического объяснения или даже описания небесных явлений, но удовлетворяется расчетами определенных изменений на небе, особенно затмений Солнца и Луны, а также правилами и таблицами, по которым эти расчеты следует производить:

> Едва ли можно нарисовать более впечатляющую картину этого грубого и младенческого состояния астрономии. Брахман, совершая свои расчеты на раковинах, представляет собой точное сходство с грубым американцем, выполняющим ту же операцию с помощью узелков на веревке; и оба они демонстрируют практику, которая существует только тогда, когда неизвестен более искусный и удобный метод вычислений посредством письменных знаков или когда человеческий ум слишком груб и слишком слаб, чтобы прорваться сквозь силу закоренелого обычая [Mill 1826 (2): 93–94].

Даже те знания в астрономии, которыми обладали индийцы, Милль полагал заимствованиями от греков через персов и арабов.

В подтверждение своей точки зрения Милль приводит цитату из эссе Адама Смита начала 1750-х годов «Принципы, ведущие и направляющие философские исследования»:

> Именно в Греции и в греческих колониях появились первые философы, о чьих доктринах у нас есть достоверные свидетельства. По-

[2] Об их взглядах подробнее см.: [Ванина 2014: 60–64, 75–90].

> хоже, что закон и порядок были установлены в великих монархиях Азии и Египта задолго до того, как они нашли какую-либо опору в Греции. Однако после всего уже сказанного о знаниях халдеев и египтян остается вопросом — существовало ли когда-либо в этих странах что-либо заслуживающее звания науки, или же тот деспотизм, господствовавший на всем Востоке, который более пагубен для досуга и безопасности, чем анархия, препятствовал развитию философии, представляет собой вопрос, на который из-за недостатка памятников культуры нельзя ответить с определенной степенью точности [Mill 1826 (2): 205].

Милль считал, что подобный уход от окончательного ответа был уступкой общественному мнению и проистекал из-за недостатка знаний. Для него же в этом вопросе не оставалось повода для сомнений: сравнение условий жизни людей в Индии с теми, в которых жили народы Европы, уровня развития их хозяйства и политических институтов, достижений науки и философии давало, как казалось британскому мыслителю, вполне определенный ответ на вопрос, поставленный Адамом Смитом.

Таким образом, для Милля индийская культура была лишена рационального начала, которое, по его мнению, являлось отличительной чертой античного мира. Сравнение исторического опыта Европы и Индии, с точки зрения Милля, было не в пользу последней, так как индийцы не смогли извлечь никакой пользы из тех благоприятных природных условий, в которых они оказались. Античный опыт у него предстает в роли своеобразного эталона, к которому он примеряет индийские культуру и государства, явно не в пользу последних.

Если «История Британской Индии» была посвящена лишь части Британской империи, то эссе «Колония», написанное для очередного издания Британской энциклопедии (1824), затрагивало проблему реформирования всей колониальной империи. Раскрывая суть понятия «колония», Милль опирался на исторический опыт Греции, Рима и Великобритании.

Согласно Миллю, создание римских колоний было полностью подчинено интересам аристократии. Оно являлось уловкой для сохранения ее представителями исключительных преимуществ и привилегий. Выделение части земли безземельным гражданам на завоеванных территориях снижало недовольство в Риме. По мнению Милля, вместо земли, польза от которой в лучшем случае была лишь временной, им следовало бы требовать хороших законов и прочных гарантий хорошего управления, это обезопасило бы их от преобладания стремлений меньшинства над интересами многих, что было характерной чертой Римского государства, а «поскольку подобная практика существовала и до сих пор существует почти при всех других правительствах, они бы могли оказать себе и всему человеческому роду величайшую из всех возможных услуг». В целом он характеризовал законодательство Рима как несовершенное, а правительство — как олигархическое по своей природе [Mill 1824: 257–258].

Греческая же колонизация, по его мнению, была обусловлена другими причинами; Милль рассматривал ее прежде всего как результат исхода одной из проигравших в политической борьбе партий. Переселяясь на новые земли со всем своим движимым имуществом, греки смогли за короткий промежуток времени достигнуть невиданного прогресса, примером чего являлись колонии

в Малой Азии. Именно последнему типу колонизации в наибольшей степени соответствовало заселение Северной Америки выходцами с Британских островов (бегство от притеснений со стороны господствующей церкви). Главное отличие заключалось в том, что североамериканские колонии оставались в подчинении метрополии, а греки создавали полностью независимые государства на новой территории, «хотя они по-прежнему обращались к стране-матери за защитой и помощью и придерживались строгих обязательств дружбы и помощи во всех ее трудностях» [Ibid.: 258]. Милль восторгался отношениями между греческими метрополиями и колониями, главными характеристиками которых он считал дружественность и невмешательство в дела друг друга. Как мы видим, приведенные примеры из греческой истории в большей степени применялись Миллем к опыту управления британскими переселенческими колониями, и это ни в коем случае не относилось к другим зависимым территориям, например к Индии. Последняя по своему положению в Британской империи, характеру и населению больше соответствовала, по мнению Милля, владениям римского типа. Поэтому и о применимости к ней принципов древнегреческой колонизации речи не шло. И как было показано выше, Милль не считал индийцев способными взять управление страной в свои руки.

Другая предпосылка греческой колонизации, которую приводит Милль, — необходимость снизить избыточную численность населения. И эту проблему он в духе мальтузианской теории экстраполировал на ситуацию в современной ему Европе. По мнению Милля, именно избыточность населения, вступавшего в активную борьбу за недостающие продовольственные ресурсы, вела к падению уровня жизни и сокращению зарплат, так как работы на всех не хватало, и чтобы хоть как-то заработать себе на хлеб, люди, которые не имели ничего, кроме своих рук, вынуждены были соглашаться на меньшую оплату труда. Более того, чтобы накормить обездоленных, не оставалось ничего иного, как лишить части продовольствия тех, кто и так не имел его в достаточном количестве. Отсюда проистекали крайности бедности и лишений [Ibid.].

В Греции эффективным средством борьбы с подобной ситуацией стала эмиграция, которая инициировалась аристократией, владевшей значительной долей богатств и рабов и первой начинавшей ощущать растущую дороговизну продовольствия, так как расходы на содержание рабов начинали быстро расти. Милль задавался вопросом:

> Однако почему эта избыточность населения, проявляющаяся в современной Европе в снижении заработной платы и в растущем числе бедных и голодающих людей, не побуждает правителей воспринять политику Древней Греции, чтобы в то или иное время предложить в качестве исправления ситуации колонизацию? [Ibid.].

Тем не менее Милль ссылался на античный опыт не только для извлечения поучительных примеров современным государственным деятелям, но и чтобы подчеркнуть недостатки современной ему системы. Подчеркивая несправедливый характер общественного устройства античных обществ, проявлявшийся в господстве аристократии («меньшинства» в терминологии Милля), он фактически говорил о Британии начала XIX в. При существовавшей практике управления колонии служили интересам британского «м е н ь ш и н с т в а».

Его представители получали в колониях прибыльную службу, благодаря чему становились богатыми и влиятельными лицами. «Каждая колония умножает число постов, — писал Милль. — В них имеются должности губернаторов и судей с длинной свитой из чиновников. Более того, каждая колония требует дополнительных войск и дополнительного флота» [Mill 1824: 258]. Единственным средством избавления от подобной порочной практики могла стать лишь передача ответственности по управлению делами заморских владений и по содержанию бюрократического аппарата в колониях самим колонистам. По его мнению, это избавило бы колонистов от злоупотреблений со стороны чиновников метрополии и облегчило бы бремя налогоплательщиков Британии.

Таким образом, вслед за А. Смитом Милль считал Древнюю Грецию образцом взаимоотношений между страной-матерью и колониями. Великобритания, следуя этой логике, должна была отказаться от прямого контроля над своими переселенческими колониями и строить с ними отношения на основе обоюдовыгодной торговли, взаимопомощи и равноправия. Это позволило бы избежать многих недостатков современной ему имперской политики — конфликтов с колонистами, непомерных расходов на содержание колониального административного аппарата и на оборону заморских владений. В существовавшей в то время практике управления он видел лишь господство интересов меньшинства, что шло в разрез с интересами жителей как колонии, так и самой метрополии. При этом нельзя сказать, что именно античный опыт служил изначальным источником данных концепций. Скорее, примеры из прошлого должны были составить необходимое обоснование для проведения реформ. Античность была призвана освятить своим примером предлагаемые преобразования.

В заключение следует отметить, что идеи, высказанные Миллем, и его оценки античного опыта оказали большое воздействие на дальнейшее развитие британской либеральной мысли. Милль был одной из центральных фигур либерального кружка, в который, помимо И. Бентама и Д. Рикардо, входили депутат Палаты общин Джозеф Юм, автор 12-томной «Истории Греции» Джордж Грот, лондонский издатель Джон Блок и др. Взгляды утилитаристов-радикалов отличались от воззрений тори не только в отношении текущей политики, но и в оценках прошлого. Милль и его единомышленники утверждали, что греческая колонизация, основанная на заселении отдаленных земель и создании самоуправляющихся общин с сильными духовными и культурными связями с «родиной», представляла собой более подходящую модель для подражания, чем римская колонизация, хотя обычно они не торопились требовать немедленного предоставления колониям независимости. Идеи Милля оказали влияние на формирование взглядов Джорджа Грота, с 1831 по 1841 г. являвшегося членом Палаты общин и входившего в группу радикальных реформаторов. После завершения своей политической карьеры Грот опубликовал 12-томную «Истории Греции» (1846–1856), в которой превозносил Афины и афинскую демократию. В античности он находил истоки всего, что ему было близко: принципы демократического правления, свободу мысли и рациональный анализ [Гущин 1996: 157].

В 1840-е годы Джон Стюарт Милль восхвалял греческие колонии, превознося их за «быстрое и чудесное процветание» и за обеспечение свободы, порядка и прогресса, утверждая, что они служили отличным примером для британской колонизации [Bell 2006: 744]. Рецензируя первые тома «Истории Греции» Дж. Грота, он предположил, что битва при Марафоне важнее для современной Британии, чем битва при Гастингсе. Он утверждал, что если бы итог сражения греков с персами был другим, то англичане и саксы могли бы продолжать бродить по лесам до настоящего времени [Vance, Wallace 2015: 154]. Таким образом, для реформаторов все еще важно было использовать в спорах с оппонентами классическое наследие, даже когда приводились аргументы, которые были в основном структурированы ультрасовременными на тот момент доктринами постсмитовской политической экономии.

Литература

Аристотель 1983 — *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. / Пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–644.

Айзенштат 1999 — *Айзенштат М. П.* Исторические взгляды британских утилитаристов // Диалог со временем. № 1. 1999. С. 139–151.

Айзенштат 2007 — *Айзенштат М. П.* Британия нового времени: Политическая история: Учебное пособие. М.: КДУ, 2007.

Айзенштат 2009 — *Айзенштат М. П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009.

Айзенштат, Гелла 1999 — *Айзенштат М. П., Гелла Т. Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1999.

Ванина 2014 — *Ванина Е. Ю.* Индия: история и историки. М.: Наука; Вост. лит., 2014.

Гущин 1996 — *Гущин В. Р.* Джордж Грот: на пути к «Греческой истории» // Политическая история и историография (от античности до современности): Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Д. Дридзо. Вып. 2. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1996. С. 151–158.

Ерофеев 1977 — *Ерофеев Н. А.* Английский колониализм в середине XIX века: Очерки. М.: Наука, 1977.

Смит 1962 — *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1962.

Armitage 2000 — *Armitage D.* The ideological origins of the British Empire. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.

Bain 1882 — *Bain A.* James Mill: A biography. London: Longmans, Green and Co., 1882.

Bell 2006 — *Bell D.* From ancient to modern in Victorian imperial thought // The Historical Journal. Vol. 49. No. 3. 2006. P. 735–759.

Mill 1824 — *Mill J.* Colony // Supplement to the Encyclopedia Britannica. Vol. 3. Edinburgh: Archibald Constable and Company, 1824. P. 257–273.

Mill 1826 — *Mill J.* The history of British India: In 6 vols. London: Baldwin, Cradock and Joy, 1826.

Mill 1882 — *Mill J. S.* Autobiography. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1882.

Vance, Wallace 2015 — The Oxford history of classical reception in English literature / Ed. by N. Vance, J. Wallace. Vol. 4: 1790–1880. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015.

The role of the classical heritage in James Mill's assessment of Britain's imperial experience

Voevodsky, Alexander V.
PhD (Candidate of Science in History)
Associate Professor,
School of Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (495) 433-25-62
Associate Professor, School of History,
National Research University Higher School of Economics
Russia, 105006, Moscow, Staraya Basmannaya str., 21/4
*Tel.: +7 (495) 772-95-90 *22524*
Senior Research Fellow,
Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninskii Prospect, 32a
Tel.: +7 (495) 954-47-83
E-mail: valeks77@mail.ru

Abstract. The article analyzes James Mill's views on the imperial policy of Great Britain in the first quarter of the 19th century and his perception of the ancient experience of colonization. His ideas are examined in relation to the intellectual and political life of the UK at the end of the 18th — the first quarter of the 19th century. This was the period when a radical reform movement arose that adopted the ideas of Adam Smith, Jeremy Bentham and David Ricardo. An appeal to the history of Greece and Rome became an important argument in the debates about the future organization of the British Empire and in the relations between the metropolis and its colonies.

Keywords: James Mill, the classical heritage in British political thought, the ideology of the British Empire

References

Aizenshtat, M. P. (1999). Istoricheskie vzgliady britanskikh utilitaristov [Historical views of the British utilitarianists]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]*, 1*, 139–151. (In Russian).

Aizenshtat, M. P. (2007). *Britaniia novogo vremeni. Politicheskaia istoriia: Uchebnoe posobie* [Britain in the modern age: A political history: A textbook]. Moscow: KDU. (In Russian).

Aizenshtat, M. P. (2009). *Vlast' i obshchestvo Velikobritanii 1750–1780* [Power and society in Great Britain, 1750–1850]. Moscow: IVI RAN. (In Russian).

Aizenshtat, M. P., Gella, T. N. (1999). *Angliiskie partii i kolonial'naia imperiia Velikobritanii v XIX veke* [English parties and the British colonial empire in the 19th century]. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN. (In Russian).

Aristotel' (1983). *Politika.* In *Sochineniia* [Trans. from *Politics* by Aristotle] (Vol. 4), 376–644. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Armitage, D. (2000). *The ideological origins of the British Empire*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Bain, A. (1882). *James Mill: A biography*. London: Longmans, Green and Co.

Bell, D. (2006). From ancient to modern in Victorian imperial thought. *The Historical Journal, 49*(3), 735–759.

Erofeev, N. A. (1977). *Angliiskii kolonializm v seredine XIX veka: Ocherki* [British colonialism in the middle of the 19th century: Essays]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Gushchin, V. P. (1996). Dzhordzh Grot: na puti k grecheskoi istorii [Georges Groth: On the way to the "Greek History"]. In A. D. Dridzo (Ed.). *Politicheskaia istoriia i istoriografiia (ot antichnosti do sovremennosti)* [Political history and historiography: From antiquity to the modern times] (Issue 2), 151–158. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo Universiteta. (In Russian).

Mill, J. (1824). Colony. In *Supplement to the Encyclopedia Britannica* (Vol. 3), 257–273. Edinburgh: Archibald Constable and Company.

Mill J. (1826). *The history of British India* (6 Vols.). London: Baldwin, Cradock and Joy.

Mill, J. S. (1882). *Autobiography*. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer.

Smit, A. (1962). *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Trans. from Smith, A. (1776). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. Dublin]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-economicheskoi literatury. (In Russian).

Vance, N., Wallace, J. (Eds.) (2015). *The Oxford history of classical reception in English literature* (Vol. 4: 1790–1880). Oxford: Oxford Univ. Press.

Vanina, E. Iu. (2014). *Indiia: istoriia i istoriki* [India: History and historians]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura. (In Russian).

To cite this article:

Voevodsky, A. V. (2018). Rol' antichnogo naslediia v osmyslenii imperskogo opyta Britanii Dzheimsom Millem [The role of the classical heritage in James Mill's assessment of Britain's imperial experience]. *Shagi / Steps, 4*(2), 56–67. (In Russian).

Received January 10, 2018